

В. Н. ТУРКИН

К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

В последнее время в советском языкознании вновь усилился интерес к вопросу о том, что и в какой мере социально обусловлено в языке¹.

Одни языковеды отрицают наличие «классовых» особенностей в языке: язык — не надстройка и не базис и поэтому безразличен к их судьбе. Другие подчеркивают, что классовые моменты вносятся в язык только экстралингвистическими факторами в процессе его функционирования. Наконец, третьи отмечают, что, хотя «классовое» возникает в процессе функционирования языка, все же в структуре языка, особенно в лексике, оно реально существует².

И действительно, если отрицать классовые особенности в языке классового общества, то вряд ли можно было бы объяснить появление в его системе общественно-политической, социальной и профессиональной лексики, т. е. разрядов слов, формируемых классами, социальными и профессиональными группами населения. Только крестьянскими, пожалуй, можно считать такие, например, русские слова производственного назначения, как *жать* «убирать хлебные злаки серпом, косами или жатвенными машинами» при общенародном *косить*, *обжинок* «колос, оставшийся несжатым», *обсевок* «случайно обойденное при посеве место, незасеянная полоска на пашне», *одоње* «снопы, сложенные особым образом для хранения под открытым небом», *нажин* «количество сжатого хлеба» и под. А такие слова, как *вабило* «крыло птицы, на котором ловчая птица получает приманку», *вабить* «манить к себе сокола или ястреба», *вервь «шнур»*, *должик* «прочный ремень с утолщением на конце», *ворволки*, *вотолки*, *клобучок*, *колокольцы*, *нагрудник*, *нахвостник*, *обножи*, *сильца* «принадлежности соколиного или ястребиного наряда», *гвозди с сильями*, *кутень*, *опрометь*, *понож*, *помец* «приспособления для ловли птиц»; *гнездарь*, *дикомыт*, *молодик*, *розмыт*, *слеток* «виды соколов и ястребов по возрасту» являются принадлежностью профессиональной лексики ловцов птиц.

Возникновение подобных слов и выражений социально обусловлено общественным положением или профессией говорящих. Это наиболее сложный и чувствительный к изменениям в общественной жизни пласт слов. Ярко и наглядно в ней обнаруживается связь развития языка с историей народа. Как орудие познания она является объектом изучения как языкознания, так и истории.

К сожалению, этот структурный пласт словаря истерпывающе не исследован до сих пор. Недостаточно изучены процессы формирования этой лексики, отношение к стилевым разновидностям, не установлено ее место среди иных разрядов лексики.

¹ См. сб. «Язык и общество», Саратов, 1967; «Язык и общество», М., 1968; «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969, а также: Р. А. Б у д а г о в, История слов в истории общества, М., 1971; е г о ж е, Человек и его язык, М., 1974.

² Ср.: Ф. П. Ф и л и н, К проблеме социальной обусловленности языка, ВЯ, 1966, 4, стр. 31, Р. А. Б у д а г о в, История слов в истории общества, стр. 62.

Мы полагаем, что к общественно-политической терминологии следует относить систему номинативных единиц разного происхождения, которые специализированы лексически (термины-лексемы), семантически (смы общенародных слов) и фразеологически (устойчивые названия) в письменном и устном общении населения для выражения социальных реалий в сферах политической, экономической, административной, судебной, одним словом, в области производственных отношений как структуры общественных отношений.

Системный характер ее определяется как в экстралингвистическом, так и в интралингвистическом планах. Прежде всего носители языка, называя то или иное новое социальное явление, познают, естественно, не только его существенные, но и случайные признаки. Изучая и осваивая социальную реалию, ее признаки, люди соотносят познаваемое с уже познанным, устанавливаемое с установленным, только что называемое с уже названным. Чтобы представить социальную реалию в ее целостности, недостаточно просто ее обозначить, нужно установить название в системе. Это значит, что в основу новых названий кладутся признаки, имевшиеся в социальной действительности и осмысленные в терминологической системе. Состав этих признаков определялся конкретной историей и сферой социальных отношений.

Лексические сословные инновации Московской Руси XV—XVI вв., например, семантически мотивировались преимущественно названиями: объекта владения (*своеземец*³ от *своя земля*); вида платы (*поземщик* от *позем*); способа службы (*послужилец* от *по службе*); места жительства (*окологородец* от *около города*, *посадские люди* от *люди посада*, *деревенщик*, *селянин* от *деревня*, *село*, *слободчик* от *слобода*); географического пункта (*Сурожанин* от *Сурож*); объекта торговли (*суконник* от *сукно*); производственной функции (*подворник*, *сосед*, *подсоседник*); способов расчета (*серебреник* от *серебро*, *закладчик* от *заклад*, *половник* от *половина*, *третник* от *треть*). Инновации, названия должностных лиц данного времени семантически мотивировались через набор нескольких иных признаков, которые выражались в названиях видов службы (*дозорщик* — *дозор*, *описчик* — *опись*); объектов службы (*истобник* — *истба* и *изба*, *векошник* — *векша*, *пищальник* — *пищаль*, *езовщик* — *ез*); должностных функций (*масляник* — обеспечивающий маслом, *померщик* — собирающий помер). Эти признаки и характеризуют образ представления русским населением той или иной социальной реалии.

С другой стороны, изменения в истории общества представляют собой все же не что иное, как импульс для перемен в социальной лексике. Лексический, семантический или фразеологический характер инновации устанавливается системой терминов, т. е. способом осмысления исходных экстралингвистических признаков. Последний же квалифицируется лексико-семантическим содержанием системы, местом новой номинации среди имевшихся, способом представления тех или иных признаков.

Все это значит, что если импульс для появления общественного термина нужно искать в экстралингвистике, то лингвистический характер новообразования следует объяснить терминологической системой. Именно она определяет способ специализации, квалифицирует сущность и развитие новой номинации, формирует ее свойства. В связи с тем, что в социальном термине переплетаются экстра- и интралингвистические факторы, при изучении общественной терминологии возможны три подхода (два из них соответствуют интралингвистическому аспекту, один — экстралингвистическому). В синтагматическом плане термины рассмат-

³ Здесь и далее в примерах приводим современную орфографию.

риваются в контекстах, в линейном расположении, в закономерном сочетании друг с другом, а также с другими словами. В парадигматическом плане изучаются словарь терминов, отношения между их лексико-семантическими разрядами без обращения к контекстам. Наконец, в историческом и сравнительно-историческом аспектах исследуются термины в составе лексико-семантических или лексико-тематических групп с учетом связи истории лексики с историей народа. Не противопоставляя один аспект другому (они приводятся в порядке, соответствующем стадии обнаружения термина, установления его структурного положения в системе), рассмотрим общественно-политические термины (далее ОП) со стороны синтагматического и парадигматического подхода.

Прежде чем перейти к описанию синтагматики ОП, отметим, что общественно-политическая терминология не закреплена за определенным стилем. Если и говорить о какой-либо прикрепленности терминов к стилям, то речь может идти только о том, насколько часто ОП в них встречаются.

Если ОП в основной своей массе не сориентированы на конкретный стиль, то на уровне предложения может идти речь о каких-то закономерных сочетаниях между ОП, определяющих порядок их следования. Вступая друг с другом в однородные семантико-синтаксические связи, они в составе предложения занимают места, соответствующие степени важности реалии.

На уровне словосочетания о каких-то закономерных лексико-грамматических сочетаниях ОП с разрядами слов можно говорить менее уверенно.

Слова многозначны, термин — однозначен. Почти каждый из социальных терминов имеет определенный идеологический вес, его семантическая сущность определяется соотносительностью с социальной реальностью. В связи с этим общественно-политическая терминология испытывала и испытывает влияние классов, социальных прослоек в большей степени, нежели общенародная лексика. Факты внешнего влияния, которые весьма опосредствованно затрагивают систему значений общенародных слов, в социальной лексике играют большую роль.

Таким образом, в противоположность слову, ОП обладает следующими особенностями:

О П

С л о в о (п о л н о з н а ч н о е)

соотносится с социальными понятиями;	не имеет такой соотносительности;
обычно содержит классовую квалификацию;	обычно не содержит ее;
однозначен для одних разрядов и многозначен для других;	обычно многозначно;
специализируется системой;	допускает специализацию в словоупотреблении, речи;
автономен по отношению к системе языка в некоторых ее звеньях.	не обладает такой автономностью.

Несколько по-иному складываются парадигматические отношения между общественными терминами, с одной стороны, и номенклатурными знаками, с другой (под номенклатурой подразумеваем совокупность употребляемых в какой-либо специальности названий; например, в авиации ИЛ-62, ИЛ-62А, АНТ-25, ТУ-104, ТУ-144, ЯК-40 и под.):

Социальный термин	Номенклатурный знак
связан с социальными понятиями;	связан с предметами;
имеет меньшую автономность по отношению к системе языка.	имеет большую автономность по отношению к системе языка.

Парадигматически общественно-политический термин отличается от термина естественных наук следующими признаками:

О П	Т е р м и н е с т е с т в е н н ы х н а у к
направлен на реалии социальной действительности;	направлен на реалии природы;
формирует понятия в результате познания и освоения социальной действительности;	формирует понятия в результате профессионального познания и освоения природы;
устанавливает социальные связи понятий, суждений и умозаключений;	устанавливает профессиональные связи понятий, суждений и умозаключений;
обычно различно воспринимается классами антагонистического общества;	обычно одинаково воспринимается классами антагонистического общества;
специализируется лексически, семантически и фразеологически;	специализируется так же;
обычно носит классовый характер (по семантике);	обычно носит бесклассовый характер (по семантике);
однозначен или многозначен (по разрядам);	однозначен;
специализируется на основе общенародного слова;	обычно не специализируется на основе общенародного слова.

Со стороны различия в речи все ОП можно подразделить на два основных разряда: 1) имплицитно классовые, но эксплицитно бесклассовые (названия должностных лиц, единиц территориально-административного деления, жанров литературы, учреждений, действий судебных и административных лиц и под.); 2) имплицитно и эксплицитно классовые (термины политэкономии, социологии, литературоведения, искусствоведения, философии и под.).

ОП второго рода окрашены в «цвет» того общественного класса, с позиций которого познается и осваивается социальная действительность. В его узусальное употребление и понимание входит классовый, социальный момент. Как видим, и в парадигматическом противопоставлении ОП терминам естественным устанавливаются общие и отличные черты. Общее в терминах обеих отраслей знаний проистекает из связи естественных наук с социальными. Отличное — из того, что при всей связи между ними сохраняются различия. И хотя это различие не абсолютно, все же с ним нельзя не считаться.

Именно классово-оценочный момент может явиться импульсом для изменений в общественной терминологии как подсистемы общенародного языка. Он может стать причиной как количественных, так и качествен-

ных изменений. В первом случае существующая терминология утрачивает свои конститутивные единицы или пополняется новыми, во втором случае преобразуется семантическое содержание социальных терминов. Если, скажем, за время с 1917 по 1930 г. вышли из обихода и появились сотни новых социальных терминов русского языка, то можно говорить о количественном обновлении социальной терминологии. И если на основе сохранившейся словоформы образуется новая семантика, то речь может идти только о качественном обновлении.

Классовым (имплицитно и эксплицитно) терминам противопоставляются имплицитно классовые, но эксплицитно бесклассовые термины. Последние, как показывает наша картотека, представляют собой нередко результат специализации общенародного слова. В этом случае лексико-грамматические границы между ним и общенародным словом размываются. Закон асимметризма в социальном термине этого рода особенно дает себя знать. В смысловой структуре такого термина сохраняются некоторые значения исходного слова или прослеживается сдвиг от однозначности к многозначности. Но эта тенденция в различных тематических группах проявляется по-разному. Так, сословные термины в истории, как правило, имели по два-три значения, тогда как должностные обычно являются однозначными. Ср. наименования различного рода должностей типа *заведующий, председатель, бухгалтер* и под. Это качество сближает социальный термин со словом, приводит к образованию переходных лексических пластов. Ведь в идеале ОП — слово, у которого между означаемым и означающим существует однозначное соответствие — термин-понятие. В данных же случаях, поскольку термин образуется на основе слова или обрастает созначениями, постольку он получает двоякую функцию: с одной стороны, означает социальную реалью, с другой — понятие.

Семантика многих социальных терминов второго рода включает стержневые и переносные значения. Если стержневые значения соотносятся с социальными реальностями, то для переносных такое соотношение не обязательно.

При системном подходе, разумеется, приходится переходить от естественного к формализованному языку посредством введения понятия «смысл». При этом исходят из того, что семантика социального термина имеет не один, а два параметра: значение и смысл. Значением его является реалья, обозначаемая этим термином. Смыслом — заключенная в термине информация о его значении. Изучение смысла, таким образом, показывает, как и каким образом проявляется значение в системе. Если признать такую семантическую бинарность, то при исследовании социального термина можно применить метод компонентного анализа. На основе смысла, составленного из сем, каждая из которых характеризует способ выделения каждого подмножества из множества реальей, строится семантическая модель группы терминов. При таком допущении семантическая структура термина образует внешнепарадигматические и внутрипарадигматические отношения, характеризующиеся наборами семантических различительных признаков. Если внешняя семантическая парадигма, создаваемая группой терминов, которая состоит из квалифицируемого родовым признаком набора видовых семантических признаков, не выполняет смыслоразличительной функции, то внутренняя семантическая парадигма обладает этой функцией. Тем самым устанавливаем два основных вида структурных семантических отношений между социальными терминами. Термины в составе различных внешних семантических парадигм находятся в отношении оппозиции, термины в составе одной внутренней парадигмы — в отношении контраста.

Термины, составляющие парадигмы, в данной статье выделяются по методу Т. П. Ломтева⁴. При этом принимаются во внимание не только интралингвистические, но и экстралингвистические факторы. Это значит, что: 1) устанавливается, кем, когда, в каких условиях общения нарушается старая и вводится новая дистрибуция; 2) определяются последовательные корреляции между лексическими и экстралингвистическими фактами, которые выступают в качестве импульсов лексико-семантических изменений. Например, древнерусские термины *князь* и *царь* (*цесарь*) в IX—XII вв. находились во взаимном семантическом контрасте, потому что их смысл различался внутри парадигмы по релевантному семантическому признаку «исконный — иноземный» (при общих признаках — «высший, главный»); такой же тип отношений обнаруживается между смыслами терминов *варяг*, *русь*, *словенин*, *коляга*, различающихся по семам «скандинавский, киевский, новгородский, литовский» (при общих семах «высший, старший»). Но по отношению к социальным терминам *купец*, *купчиха*, *гость*, *мастер*, *ремесленник*, *ремесленница*, как и *смерд*, *горожанин*, *кметь* они занимали положение семантической оппозиции, потому что различались не одним компонентом, а некоторым набором семантических компонентов, квалифицируемых разными родовыми признаками — «высший — средний — низший». Эти родовые семантические компоненты, как и квалифицируемые ими видовые, устанавливаются на основе исторического изучения общества. Метод компонентного анализа можно применить и при описании великорусской, староукраинской, западнорусской социальной лексики XIV — XVI вв., его можно ввести и в изучение современной общественно-политической терминологии.

Таким образом, в определение социального термина вводятся некоторые лингвистические признаки: синтагматические и парадигматические. С точки зрения первого подхода, социальные термины характеризуются закономерными сочетаниями между собой в предложениях в некоторых определенных контекстах. С точки зрения второго подхода, семантическое содержание термина определяет характер его парадигматических отношений между ним, с одной стороны, и номенклатурным знаком и естественным термином, с другой. Парадигматическое изучение приводит к наблюдению, что состав социальных терминов по своему семантическому содержанию не однороден. Существуют однозначные и многозначные социальные термины. Первые являются собственно терминами, вторые — словами. С точки зрения противопоставления языка и речи, социальные термины также бывают двух типов: классово эксплицитными и имплицитными и классово эксплицитными, но бесклассово имплицитными.

⁴ См.: Т. П. Ломтев, Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики, ФН, 1964, 2; его же, Принцип отражения и его значение для лингвистической семантики, ФН, 1970, 1.